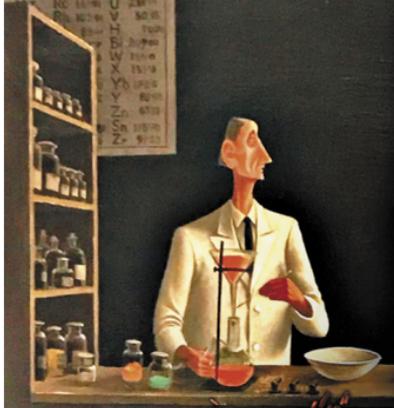

Владимир Максимов

ТЭ 2022.

1984	Nb	92	180,9	180,9
1985	Mo	94	178,0	178,0
1986	Tc	98	186,9	186,9
1987	Ru	101	180,9	180,9
1988	Rh	103	186,9	186,9
1989	Pd	106	178,0	178,0
1990	Ag	107	178,0	178,0
1991	Cd	112	178,0	178,0
1992	In	114	192,2	192,2
1993	Sn	118	186,9	186,9
1994	Pb	120	207,2	207,2
1995	Bi	126	208,9	208,9
1996	Po	128	209	209
1997	At	128	209	209
1998	Rn	136	222	222
1999	Fr	138	223	223
2000	Ra	138	226	226
2001	Ac	139	227	227
2002	Th	140	232	232
2003	Pa	143	231	231
2004	U	146	238,0	238,0
2005	Np	150	237	237
2006	Pu	154	244	244
2007	Am	158	243	243
2008	Cm	162	250	250
2009	Bk	166	247	247
2010	Cf	170	251	251
2011	Es	174	261	261
2012	Fm	178	262	262
2013	Md	182	268	268
2014	Lr	188	260	260
2015	Uu	113	288	288
2016	Uub	114	289	289
2017	Uuq	115	288	288
2018	Uuq	116	289	289
2019	Uuh	117	288	288
2020	Uuh	118	289	289
2021	Uuq	119	288	288
2022	Uuq	120	289	289

СЛОМАННЫЙ ГЕН

Владимир Сергеевич Максимов

Сломанный ген

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69011956

Сломанный ген: Морское наследие; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-905795-67-1

Аннотация

Разработка нового фармацевтического препарата прекращена, но у тех, кто его принимал в ходе испытаний, выявлен удивительный побочный эффект – подавление «гена жадности». Однако препарат оказался в руках предприимчивых дельцов и безответственных ученых, решивших насильно «исправить» человеческую природу. Этот эксперимент вызвал цепь катастрофических последствий.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	25
Глава четвертая	38
Глава пятая	54
Глава шестая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Максимов

Сломанный ген

© Максимов В., 2022

© Морское наследие, 2022

*** * ***

Часть первая

*В какой бы дом я ни вошел,
я войду туда для пользы больного...*
Клятва Гипократа

Глава первая

Жесткий осенний ветер хлестал в желтый прямоугольник окна в угловом кабинете последнего этажа флигеля старинного здания клиники. Сыпал мелкий дождик, перемешиваемый порывами ветра и наполнявший уличное пространство плотной взвесью. Заряды жухлых тополиных листьев, мокрых и тяжелых, с регулярностью маятника барабанили в стекло.

Стояла глубокая ночь, больные давно спали, в опустевших врачебных кабинетах было темно, и только в одном из них продолжал гореть свет. За столом с тяжелой толстой столешницей, поддерживаемой двумя массивными тумбами с выдвижными ящиками, сидел усталый человек в мятом белом халате и, склонив голову к самому столу, что-то быстро писал. Красные от напряженной работы глаза доктора слезились, и он поминутно вытирал их рукавом халата. Справа на столе громоздилась кипа исписанных неразборчивым по-

черком карточек больных, слева же лежала еще более высокая стопка чистых карточек, которые тоже требовалось заполнить.

Мужчина в белом халате спешил. Завтра к середине дня должна прибыть проверка из головного офиса компании, занимающейся клиническими исследованиями нового препарата, а еще сегодня утром документация по больным, которую будут проверять, сияла девственной чистотой.

Кто ж знал, что испытания лекарства внезапно остановят, а разработку нового революционного препарата свернут на стадии клинических исследований. «Видимо, препарат где-то выдал серьезные побочные действия, – решил доктор, – а может быть, даже и помер кто-нибудь – механизм действия-то новый, не изученный».

С одной стороны, то, что клинические испытания свернули, обидно, но с другой стороны, под это дело можно что угодно предъявить. Ведь за каждого пациента должны заплатить, причем весьма неплохие деньги. Не важно, что выдать препарат успели только трем больным – очень уж заболевание специфическое, но проект закрывают, поэтому сколько пациентов получали лекарство, на самом деле проверять никто не станет, главное – бумаги заполнить как следует.

По этой причине и сидел врач за полночь в опустевшем крыле клиники и строчил что есть силы в бланках карточек больных: «... женщина тридцати семи лет, материально обеспеченная, под влиянием непреодолимой тяги неодно-

кратно совершала кражи мужских вещей в магазинах, кражи носили импульсивный характер, украденные предметы материальной ценности для пациентки не представляли...»
Время от времени доктор сверялся с записями в потрепанном блокноте: «... мужчина двадцати двух лет неоднократно брал без спросу малоценные предметы и личные вещи соседей по студенческому общежитию, при этом к своим сокурсникам неприязненных чувств он не испытывал и желания им отомстить не имел, бредовыми и галлюцинаторными расстройствами не страдает...» Карточки пациентов ложились в стопку заполненных одна за одной. «...женщина тридцати шести лет после развода с мужем страдает тревожными расстройствами, регулярно уносила с работы ненужные ей вещи, принадлежащие ее коллегам, после совершения кражи испытывает острое чувство вины, способствующее дальнейшему нарастанию тревоги, по характеру работы имела доступ к крупным суммам наличных денег, однако попыток похитить даже незначительную сумму не предпринимала...»

Доктор пробежал глазами только что заполненную карточку: «... неоднократно угонял припаркованные в собственном дворе автомобили, после чего бросал их, объясняя свое поведение желанием наказать владельцев машин, хотя выбор пациентом автомобилей носил явно случайный характер...» Покачав головой, врач разорвал карточку, выбросив обрывки в мусорную корзину. «Они что, совсем?! Издева-

ются, что ли?! Кто в этого, прости господи, Юрия Деточкина поверит?» – подумал он, злясь на своих коллег.

К утру требуемое количество карточек было заполнено; доктор, устало потянувшись, встал из-за стола и вымученно улыбнулся от приятного осознания успешно выполненной трудной, но полезной работы. Оставалось только избавиться от излишков препарата, который, согласно документам, якобы был выдан пациентам. Торопясь, пока в клинику не заявится кто-нибудь из страдающих бессонницей сотрудников, человек в белом халате заскочил в процедурную, открыл своим ключом железный шкафчик с лекарствами, побросал упаковки с таблетками в полиэтиленовый пакет и вернулся к себе в кабинет. Прижимая к груди коробки с лекарствами, доктор с сомнением посмотрел по сторонам, потом принял решение и, подставив лестницу-стремянку, дотянулся до верхнего ящика уходящего под потолок шкафа внушительных размеров. За квадратной дверцей ящика оказались сваленные в кучу и покрытые пылью папки, а также всякий ненужный хлам. Засунув картонки с лекарством в самый дальний угол верхнего отделения шкафа, доктор с чувством выполненного долга направился в сторону ординаторской.

Теперь можно было расслабиться – к проверке все было готово, но отдохнуть доктору так и не пришлось: начался обычный рабочий день лечащего врача в клинике.

Проверка результатов клинических исследований прошла

успешно и, на удивление, быстро. Высокая и одновременно невзрачная женщина в очках и в дорогом костюме, но с копеечным клеенчатым портфельчиком с логотипом фармацевтической компании в руках, стремительно появилась в клинике, мельком просмотрела карточки, забрала остатки лекарства, заставила доктора расписаться в журнале и стремглав убежала. На том проект был закончен. Документы по клиническим испытаниям препарата осели в каком-то архиве, а результаты неоконченных исследований уже никого не интересовали.

Ответственного за исследования этого чудесного лекарства доктора, да и почти всех врачей на отделении, такой результат более чем устраивал. Дело в том, что большинство из почти четырех десятков пациентов, якобы участвующих в исследовании, были «липовыми». Их не существовало в природе. Больных, симптомы их заболеваний, клиническую картину, результаты анализов, исследований и тестов выдумали сам доктор и его коллеги-врачи, участвующие в клинических испытаниях. Поступили они таким образом только потому, что проект внезапно закрыли, а терять деньги никто не хотел, благо «мертвые души» на результаты исследования уже никак не повлияют.

Кроме того, само лекарство было разработано для лечения болезни весьма своеобразной, хотя и не такой уж редкой. Новый препарат предназначался для лечения не особо тяжелого, но довольно пикантного заболевания: kleptomании.

Болезнь эта, при всей ее кажущейся несерьезности, доставляет больным существенные проблемы. И даже не столько самим больным, сколько окружающим. Подверженные kleptomании люди страдают чрезвычайно, оказываясь практически в социальной изоляции, тем более что, как правило, эти больные относительно благополучны в повседневной жизни. Причины и механизмы развития расстройства влечений, называемого kleptomанией, до конца не выяснены, а лекарственная терапия до недавнего времени сводилась к приему антидепрессантов.

И тут вдруг появляется новое лекарство, способное удивительным образом исключить из симптомов kleptomании самую существенную их часть: больной перестает испытывать ощущение удовольствия и общей удовлетворенности от совершенной кражи; не наступает и привычное для kleptomанов расслабление после воровства. Благодаря этому со временем пропадает и желание совершать кражи. Препарат, названный «Клептерин», способный таким образом лечить kleptomанию, стал поистине революционным! Он был разработан довольно известной фармацевтической компанией и благополучно вышел на стадию клинических испытаний.

И вот здесь возникли проблемы. Оказалось, что найти пациентов для участия в этих самых клинических испытаниях чрезвычайно трудно. Большинство страдающих kleptomанией считали позорным поразивший их недуг и ни в коем случае не хотели, чтобы кто-нибудь узнал об этой болезни.

Добавляло трудностей и, мягко говоря, неоднозначное отношение общества к столь специфическому заболеванию. При такой ситуации больные kleptomанией даже к врачу обращаться не хотели, не говоря уж о том, чтобы лечь в клинику. Тем более никто из страдающих этой болезнью – людей, по большей части социально адаптированных, – не хотел принимать участие в клинических испытаниях, где за больными будут пристально наблюдать, да еще и заполнять при этом кучу бумажек, которые потом уходят неизвестно куда.

Поэтому-то в клинике, принявшей участие в исследованиях, и не нашлось достаточного количества испытуемых. Согласились всего два пациента, к которым потом неожиданно добавился третий. Лечащим врачом у них всех был доктор Власов, поэтому его и определили ответственным за клинические исследования «Клептерина». Так и шли испытания нового препарата, ни шатко ни валко, пока фармацевтическая фирма, его разработавшая, внезапно не объявила о том, что проект приостанавливается, а вскоре и клинические испытания «Клептерина» прекратили.

Теперь уже стало понятно, что препарат на рынок не выйдет, а раз так, то можно было уже не мелочиться и приписать столько больных, сколько удастся придумать общими усилиями докторов на отделении. В любом случае история с препаратом под названием «Клептерин» должна была кануть в Лету, однако все вышло несколько иначе.

Глава вторая

– Мама! – со злостью выдавила из себя дочь сиплым от досады голосом. – Ты что – выбросила всю мою косметику?! Сколько раз повторять: не смей трогать мои вещи!

– Светочка, – мягко возразила Виолетта Петровна, – ты же все равно не пользовалась и половиной того, что у тебя было выставлено на зеркале. – В словах матери проскальзывали виноватые нотки. – Твои флаконы только зря пыль собирали. Я убиралась в квартире, ну и выбросила.

Ребенок, пребывающий в переходном возрасте, ничего не ответил на оправдания матери, громыхнув дверью своей комнаты. Килограммами косметики дочка безуспешно пыталась помирить себя со своей собственной внешностью гадкого утенка, которая ей категорически не нравилась.

Не на шутку смутившись, Виолетта Петровна пошла проверить мусорное ведро и с удивлением обнаружила, что кроме косметики Светы, там находится и маленькая коробочка с ее собственными золотыми сережками и колечком с бриллиантом. Во внушительного размера мусорном ведре после уборки квартиры оказались и старинные кофейные чашечки, оставшиеся от бабушки, и спортивные кубки ее мужа, и еще масса ценных и не очень мелочей, годами хранившихся в их квартире. Виолетта аккуратно выудила из ведра тубики, флаконы и банки с косметикой, выставила их на столике

в прихожей и понесла мусорное ведро с остальными вещами на помойку.

Смущение в последнее время не покидало бухгалтера строительного-монтажного управления Виолетту Петровну ни на минуту. Каким-то шестым чувством она понимала, что с ней творится что-то неладное, хотя ничего необычного, с ее точки зрения, она не делала, ну разве что вчера... Возвращаясь вечером с работы через парк, Виолетта наткнулась на типичного забуддыгу в рваной куртке и разбитых ботинках, попросившего у нее денег трясущимися губами и вялым голосом, видимо, не сильно рассчитывая на успех. Повинуясь какому-то странному порыву, она вытащила посреди пустого темного парка кошелек и не задумываясь отдала пропойце все наличные деньги, которые у нее были. Маргинальный тип от удивления застыл на месте с открытым ртом, увидев сумму, которую вручила ему незнакомая женщина. Он так и стоял с зажатыми в кулаке купюрами, глядя вслед Виолетте, пока она не скрылась в подъезде своего дома.

О своем странном, мягко говоря, поступке Виолетта вспомнила только поздно вечером, когда дочка попросила денег «на завтраки». Просила их Света часто, несмотря на то что почти ничего не ела ни дома, ни в школе, считая себя безобразно толстой, хотя на самом деле была худой как щепка. Запуганные агрессивной реакцией дочери на попытки «лезть в ее жизнь», родители опасались спрашивать, на что дочь тратит деньги, потому и на этот раз Виолетта ни-

чего не сказала и со вздохом достала кошелек, а заглянув в него, с удивлением обнаружила, что тот пуст. Странно, но она прекрасно помнила, что отдала купюры пьянице из парка, однако связать это событие с отсутствием у нее денег почему-то не могла.

Деньги дочери выдал муж, с мрачным видом наблюдавший из глубины кухни сцену с участием жены и дочки, происходившую в коридоре. Глава семьи Сергей Анатольевич уже давно пребывал в мрачном расположении духа, да и было от чего. В отличие от дочери, воспринимавшей в штыки весь окружающий мир, он не мог не заметить странностей в поведении супруги. Назревал неприятный разговор о необходимости обращения к психиатру. Но Сергей, проявив несвойственную для него нерешительность, подходящий момент упустил, а после того как Виолетта Петровна сообщила ему радостную новость о том, что она ждет ребенка, беседа о психиатрической помощи и вовсе стала невозможной. Правда, теперь Сергей Анатольевич мог успокаивать себя тем, что странности жены как раз и объясняются ее положением. Он молчал, бдительно следил за женой, прятал ценные вещи и прилагал все усилия для того, чтобы хоть как-то сохранить разваливающееся домашнее хозяйство.

Дочь Светлана о скором прибавлении в их семействе в известность поставлена не была (сроки пока позволяли скрывать беременность от окружающих) и потому время от времени изводила мать злыми насмешками.

Сама Виолетта, узнав о беременности, тоже стала списывать свои странные поступки на гормональные изменения в организме, но ситуация с ее сознанием усугублялась. Личность Виолетты стала как будто раздваиваться, и в ее поведении теперь одновременно уживались крайняя бережливость, граничащая со скупостью, и безудержная расточительность. Она могла часами штопать старый свитер, надеваемый мужем только на рыбалку, и в то же время подарила его новый выходной костюм малоознакомому человеку. Так же она стала поступать и с собственными вещами: одевалась во что попало, наотрез отказываясь обновлять гардероб. Недавно Виолетта заставила мужа склеить разбившуюся крышку старой сахарницы, а за день до этого не моргнув глазом отдала соседям новый чайный сервиз, стоявший в серванте. Она экономила каждую копейку, даже если покупала продукты, и в то же время, не раздумывая, давала в долг любые суммы денег знакомым и коллегам по первой их просьбе.

Виолетта Петровна перестала осознавать ценность вещей, вернее, она стала оценивать их исключительно с точки зрения утилитарной пользы. Никакие другие качества предметов: эстетические функции, материальная ценность, связанные с вещами воспоминания – в расчет не принимались. Виолетта совершенно искренне не понимала, зачем покупать вкусные, но дорогие деликатесы, когда голод можно утолить более простыми и дешевыми продуктами; одежда, по ее мнению, должна быть теплой и удобной, а что такое красивые

и модные вещи, она как будто и не догадывалась. Свои выходные платья, костюмы и туфли Виолетта, ввиду их полной непрактичности, уже выбросила или раздала; некоторые костюмы мужа тоже разделили участь ее нарядов, а теперь и Светина косметика попала под руку.

Все, что присутствовало в их квартире «для красоты» или как память о каком-то событии или человеке, вызывало в ней раздражение, причем раздражали не сами по себе вещи, а их присутствие в квартире – они занимали место и мешали уборке.

Но больше всего отравляло жизнь близких Виолетты Петровны (а ей самой отнюдь не казалось чем-то ненормальным) пренебрежительное отношение Виолетты к деньгам. Она перестала осознавать связь между бумажками в ее кошельке или записями на счетах в банке и материальными ценностями. Даже параллель между наличием денег и возможностью удовлетворять физиологические потребности в голове Виолетты не складывалась.

Сегодня была суббота, и Виолетта затеяла генеральную уборку, воспользовавшись тем, что никто ей не мешал: дочка с утра ушла в школу, а муж поехал в автосервис. Как обычно в последнее время, ее труды на благо семьи закончились скандалом: вернувшаяся домой Света не обнаружила своих косметических средств и тут же закатила истерику.

Чтобы не усугублять конфликт, Виолетта накинула плащ и отправилась с мусорным ведром на помойку. Выйдя из па-

радной, она нос к носу столкнулась со вчерашним пьяницей-попрошайкой, которому отдала кучу денег в парке. Асоциальный тип сидел на скамейке напротив подъезда и явно ее поджидал.

Пьяница поднялся со скамейки навстречу Виолетте и, не переставая смущенно потирать руки, обратился к ней дребезжащим голосом:

– Здравствуйте... Извините... Не знаю вашего имени...

– Что вам нужно?! – вздрогнула от неожиданности Виолетта Петровна.

– Не пугайтесь. Я просто хотел вернуть вам деньги.

– Какие еще деньги?

Замешательство, вызванное неожиданной встречей, прошло, и Виолетта вспомнила вчерашнюю историю в парке и узнала обратившегося к ней человека. Сейчас, при свете дня, Виолетта смогла как следует рассмотреть маргинала. Он был невысокого роста, неопределимого возраста, имел маленькое и сморщенное как печеное яблоко лицо характерного багрового цвета, причем чисто выбритое, крохотные короткопалые ручки, которые он то и дело нервно потирал, и богатую шевелюру всклокоченных седых волос. Дополняли причудливую внешность незнакомца огромные очки с толстыми линзами.

– Вы вчера мне отдали большую сумму денег в парке, – пояснил незнакомец. – Неужели не помните?

– Нет, не помню, – соврала Виолетта.

– Тогда тем более я обязан вернуть вам деньги, раз вы не осознавали того, что сделали, – пьяница стал неловко совать в руки Виолетты мятые бумажки. – Здесь немного не хватает... Мне очень надо было купить... В общем, я верну... Обязательно... – смущенно бормотал он.

Чтобы поскорее отделаться от назойливого типа, Виолетта схватила деньги и, пробормотав слова благодарности, ринулась в сторону площадки с мусорными контейнерами.

– И давно у вас подобные симптомы? – внезапно спросил незнакомец вслед Виолетте.

После этой фразы она остановилась и медленно повернулась к мужчине. Что-то в реплике пьяницы заставило ее насторожиться. Вероятно, ее сознание среагировало на слово «симптомы».

– Что вы хотите сказать? – каким-то чужим голосом выдавила Виолетта.

– Я имел в виду такие вот необъяснимые поступки? Давно это у вас? Полгода, год? Или дольше?

– Со мной это случается... Иногда... То есть в последнее время. Но на это есть причины.

– Наверняка что-то подобное происходило и до вашей беременности, – у Виолетты глаза на лоб полезли от удивления. – Не удивляйтесь, я врач-психиатр... Между прочим – доктор медицинских наук, – не без гордости заявил незнакомец. – В прошлом... – добавил он после паузы.

– Не ваше дело! – вспыхнула Виолетта, отшатнувшись от

незнакомца, но уходить почему-то медлила, словно ожидая помощи от этого асоциального типа.

– Да, разумеется, но я бы хотел вам помочь. Поверьте, вам самой с этим не справиться. В общем я сам уже давно не практикую, но я все же черкну адресок моего бывшего ученика. Он очень хороший доктор. Найдите в себе силы к нему обратиться, – произнес скороговоркой незнакомец, усиленно шаря по карманам, из недр которых он, в конце концов, выудил клочок бумажки и огрызок карандаша.

Бывший врач написал на бумажке несколько строк и протянул Виолетте.

«Манкевич Артур Эдуардович», – прочитала она. Дальше следовал адрес, написанный еле разборчивым почерком.

– Извините, телефона не знаю, – сказал незнакомец.

Виолетта машинально положила записку в карман плаща и, ничего не сказав и не попрощавшись, дернулась в сторону.

Домой Виолетта Петровна вернулась не сразу. Пораженная до глубины души словами незнакомца, она еще с полчаса бродила по окрестным дворам, пугая прохожих пустым ведром и отрешенным взглядом. А дома ее ждала очередная семейная буря. Вернувшийся из автосервиса муж обнаружил пропажу своих спортивных трофеев, а также других вещей. Сергей Анатольевич был готов рвать и метать, и только тот факт, что жена находится в положении, заставил его удержаться от этого.

Выяснив, куда делись пропавшие вещи, Сергей, воровато

оглядываясь, сбегал на помойку и под недоуменные взгляды жильцов близлежащих домов обшарил мусорный контейнер. Благополучное спасение домашних вещей несколько остудило его пыл, но все же он твердо решил поговорить с женой.

Разговор, как и следовало ожидать, выдался тяжелый. Муж без обиняков заявил, что Виолетте требуется психиатр; жена плакала; вышедшая на шум из своей комнаты дочка с видимым удовольствием вставляла едкие реплики. Под конец посыпались клятвенные обещания Виолетты, что произошедшее сегодня не повторится, и заверения в том, что она вполне способна контролировать свои поступки. Впрочем, заверения эти никого (включая и саму Виолетту) не убедили.

В хмурое осеннее утро понедельника Виолетта Петровна, повинувшись выработанной многолетней привычке, явилась на работу за полчаса до начала рабочего дня. Обычно она первая из сотрудников переступала утром порог офиса, но на этот раз дверь была открытой, а в комнатах горел свет. Оказалось, что директор строительно-монтажного управления пришел на работу раньше всех. Такое случалось нечасто. Обычно Дмитрий Васильевич с утра мотался по стройплощадкам или встречался с заказчиками, а на рабочем месте появлялся ближе к полудню.

Начальник сидел в бухгалтерии, развалившись на стуле, стоящем вплотную к столу Виолетты. Директор – импозантный мужчина, возраста седины в бороде, хотя и довольно мел-

кого для покорителя сердец роста, одевался со вкусом, но с некоторым налетом шика, выдававшего в нем выбившегося в начальники прораба. Удобно вытянув ноги, Дмитрий Васильевич лениво листал квартальный отчет, взятый со стола. Увидев Виолетту, директор встал, отложил отчет и, надев на лицо улыбку, посмотрел на нее тягучим взглядом, после чего натянуто поздоровался и попросил прямо сейчас зайти к нему в кабинет.

Виолетта быстро скинула плащ, стащила сапоги и, стуча каблуками туфель, проворно засемила в директорские апартаменты. Дмитрий Васильевич уселся за стол для заседаний и жестом пригласил Виолетту сесть напротив.

За время работы Виолетты в этом СМУ директор время от времени посматривал на нее оценивающим взглядом, как, впрочем, и на всех других сотрудниц моложе сорока лет, и у Виолетты мелькнула мысль, что разговор пойдет о не совсем пристойных вещах. Однако вид у усевшегося напротив нее начальника был сконфуженно-решительным, и сердце бухгалтера сжалось от нехорошего предчувствия.

– Бывают, знаете, такие темы, на которые с сотрудниками трудно говорить... Особенно с хорошими сотрудниками... – начал Дмитрий Васильевич издалека, стараясь не смотреть в глаза Виолетте, – но, увы, даже такой очаровательной сотруднице, как вы, я вынужден сказать... – директор, считающий себя непревзойденным ловеласом, никак не мог сойти с игривого тона. – В общем, ваше поведение в коллективе

стало... Как бы это сказать? Станным...

– В чем дело, Дмитрий Васильевич, – робко поинтересовалась Виолетта. – Что вас не устраивает? Я что-нибудь сделала не так? С квартальной отчетностью напутала? Или...

– Не в этом дело, – перебил ее начальник. – Ладно, скажу начистоту! – выдохнул Дмитрий Васильевич. – Год с лишним назад у нас в конторе начались странные вещи: у сотрудников стала пропадать всякая мелочевка. Пустяки, конечно, тем более что все пропавшие предметы со временем находились. Только вот странность: все исчезнувшие вещи находили – случайно, заметьте – именно вы, а у вас самой ни разу ничего не пропало.

Виолетта издала тихий стон, закрыла лицо руками, а из глаз ее брызнули слезы.

– Ладно! Ладно! – замахал руками испугавшийся Дмитрий Васильевич. – Не будем вспоминать... Я сейчас о другом. Успокойтесь же! Прошу вас! Можете выслушать меня спокойно?

Виолетта Петровна с трудом проглотила слезы и, не отнимая рук от лица, кивнула.

– Настораживает другое, – продолжал директор. – Вот вы на прошлой неделе чуть ли не ночевали на работе.

– Работы много было, квартальную отчетность готовили, – пролепетала Виолетта.

– Знаю, знаю, только вот все сотрудники бухгалтерии как один принесли мне заявления на выплату сверхурочных, а

вы даже не подумали. Зарплата у вас меньше всех в бухгалтерии, а вам – хоть бы что. Мне рассказывали, что даже выпущенную для вас зарплатную карточку вы три месяца не удосужились зайти и забрать в отделе кадров. А между тем ведь деньги вам нужны. Я же вижу. Одеваться стали, уж извините, хуже некуда. Бухгалтер, и с таким отношением к деньгам – нонсенс какой-то.

– Так в чем я виновата-то?! – в полном отчаянии воскликнула Виолетта.

– Поймите, – в словах директора послышалась отеческая интонация, – я лично не вижу особой проблемы в том, если работник, так, по мелочи, возьмет себе что-нибудь с рабочего места. Все сотрудники тащат с работы, кто гвоздь, кто доску, а о канцеляршине я даже и не говорю. С этим я бы еще мог примириться, но работник бухгалтерии с таким отношением к финансам меня пугает. Вы вот свои деньги, и так, к слову, весьма небольшие, раздаете в долг направо и налево. Как же вам можно доверить средства организации?

– Вы хотите, чтобы я уволилась? – спросила готовая провалиться сквозь землю Виолетта. – Хорошо, я уйду, – сказала она даже как будто с некоторым облегчением.

– Ну зачем же сразу уволиться? – великодушно сказал Дмитрий Васильевич. – Вам сейчас лучше перевестись в плановый отдел. Временно. Там как раз освободилось место сметчицы.

– Временно?

– Пока вы не... поправитесь.

Виолетта кивнула и еле внятно произнесла:

– Хорошо.

– Вот и чудненько! – Дмитрий Васильевич заметно повеселел. – Сейчас напишите заявление и можете идти домой. Я вас отпускаю. А завтра, так сказать, с новыми силами выходите на работу в плановый отдел.

Виолетта побрела домой. Ее душили слезы от мерзкого чувства безысходности. После довольно прозрачных намеков Дмитрия Васильевича на то, что ее подозревают в мелких кражах, ходить на работу и сидеть там, сгорая от стыда, казалось невозможным, да и о ее ненормальном состоянии директор заявил вполне определенно. Но если она уволится, то кто ж ее возьмет на работу на четвертом-то месяце? Домой идти тем более не хотелось. Муж с дочерью тоже считают, что она ненормальная, и даже уже не скрывают этого. Нигде ей не рады.

Когда и так невеселые мысли Виолетты приняли совсем уж мрачное направление, ее рука в кармане плаща случайно наткнулась на клочок бумажки с адресом доктора. Тот самый, который дал ей пьяница, назвавшийся бывшим врачом. «Другого выхода нет», – решила Виолетта.

Глава третья

Доктор Манкевич слушал пациентку невнимательно. Он считал себя корифеем в области психиатрии, в своем профессионализме не сомневался и, вообще, был довольно высокого мнения о собственной особе. Кроме того, Артур Эдуардович обладал весьма импозантной внешностью (высокий рост, правильные черты лица с крупным, красивой формы носом, эффектная шевелюра с благородными залысинами из черных с легкой сединой волос, идеальный костюм под растянутым халатом и очки в дорогой оправе), которая производила на пациентов и особенно – на пациенток, довольно сильное впечатление. Поэтому-то Манкевич и злился на себя от того, что никак не может сфокусировать свое внимание на больной, хотя случай-то оказался интересным. Усилием воли доктор в третий или в четвертый раз попытался сосредоточиться на пациентке, но мысли, помимо его желания, убежали в сторону, совершенно игнорируя его хваленый профессионализм. Причиной внезапной и досадной рассеянности Артура Эдуардовича оказалось произнесенное явившейся на прием женщиной слово, точнее название препарата: «Клептерин».

Пациентка с несколько вычурным именем Виолетта – средних лет женщина с явными признаками неврастения – пришла на прием к Манкевичу под конец рабочего дня со

стандартным набором жалоб: жизнь кончилась, в семье не понимают, на работе не ценят, руки опускаются... Все бы ничего, но когда больная сообщила о том, что беременна, доктор несколько приуныл. Уже сложившийся в его голове план лечения посыпался; большинство подходящих для ее случая препаратов принимать при беременности нельзя. Пришлось Манкевичу лезть в темные дебри души Виолетты Петровны, чтобы выяснить причины ее состояния.

Как и следовало ожидать, никаких дефектов сознания и поведения пациентка за собой не замечала, а вот претензии к ней со стороны окружающих сформулировала весьма своеобразным образом. По словам больной выходило, что у нее абсолютно отсутствует какой бы то ни было интерес к материальным ценностям. Поначалу Артур Эдуардович даже не понял, что она имеет в виду, а когда разобрался, почувствовал профессиональный азарт, хотя и не исключал, что пациентка могла выдавать воображаемое за действительное.

Симптомы оказались просто поразительными: больная проявляла паталогическую «антижадность». Так Манкевич назвал про себя ее состояние, ибо даже подходящего к ее поведению термина он подобрать не смог. Такое доктор слышал в первый раз... «Хотя нет, не в первый! – осенило вдруг Артура Эдуардовича. – Сегодня утром уголовный паренек рассказывал что-то подобное, – вспомнил он. – Только тот тип, скорее всего, симулировал, а этой дамочке врать вроде бы незачем».

– Скажите, а до этого вы когда-нибудь обращались за психиатрической помощью? – спросил Манкевич.

Болезненно переживавшая сам факт присутствия на приеме у психиатра Виолетта Петровна совсем смешалась и через силу еле слышно ответила:

– Нет, доктор.

– Вы не волнуйтесь, подумайте, – попытался успокоить больную Артур Эдуардович. – Уверяю вас, о том, что вы скажете в этом кабинете, никто не узнает, – привычно повторил он то, что обещал поголовно всем своим пациентам.

Виолетта обвела невидящим взглядом просторный и светлый кабинет, задержалась на громадном шкафу с книгами, скользнула по развешенным за спиной Манкевича дипломам в тонких рамках и доверчиво заглянула в докторские глаза.

– Да, я действительно лечилась у психиатра, – призналась она. – У меня был тяжелый период... Нервы сдали... Я стала срываться на своих родных, и все покатило под откос: дочка замкнулась, муж не выдержал и ушел – стал жить отдельно.

Воспоминания давались с трудом. Сквозь слезы начала рассказывать Виолетта о тяжелых временах, но по мере того, как прошлые события прокручивались в ее памяти, она потихоньку успокоилась и довольно внятно изложила историю своей болезни.

После развода, хотя и неофициального, но фактического, Виолетта стала постоянно испытывать чувство страха. Она

боялась всего, что ее окружало. Тревожное состояние нарастало, становясь невыносимым. Виолетта всеми силами старалась ничем не выдать наличие постоянно терзающих ее тревог и, упаси господи, не сделать ничего такого, чтобы окружающие узнали о ее состоянии, особенно на работе.

Поначалу ей это удавалось, но в один прекрасный момент Виолетта, уходя с работы, заметила на соседнем столе оставленную коллегой пудреницу и, повинувшись внезапному и необъяснимому импульсу, сунула вещицу себе в сумку. Впервые в жизни взяв чужое, Виолетта сперва почувствовала дикий страх, почти сразу сменившийся сладким ощущением удовольствия. Тревоги тут же улетучились, наступило долгожданное расслабление. Но длилось это недолго: эйфория быстро прошла, уступив место жгучему чувству стыда за совершенный поступок, ее снова охватило чувство тревоги, стало только хуже.

Пудреницу Виолетта потом вернула, соврав, что случайно нашла ее на полу, но подобные вещи стали с ней происходить с пугающей регулярностью. Пришлось Виолетте лечь в клинику, где ей здорово помогли, на что она сама даже и не надеялась.

Через месяц, проведенный в больничной палате, Виолетта возвратилась домой другим человеком – такой, какой она и была до своей болезни: уравновешенной и спокойной. Ее тревоги ушли; жгучего желанья украсть она больше не испытывала. Супружеские отношения наладились и стали да-

же лучше, чем были до болезни Виолетты. Можно даже сказать, что они с вернувшимся мужем пережили второй медовый месяц, закончившийся, как когда-то первый, беременностью.

Семейная идиллия, однако, долго не продолжилась. У Виолетты начались проблемы иного рода.

– А какие препараты назначали вам мои коллеги? – спросил Артур Эдуардович.

– Лечащий доктор прописал мне какое-то новое, только что разработанное лекарство, – ответила Виолетта. – «Клептерин» называется. Врач тогда сказал, что оно проходит клинические испытания.

Виолетта еще какое-то время рассказывала, как ее лечили в клинике, вспомнила названия других лекарств, которые она там принимала, но Манкевич ее уже не слушал.

Несмотря на большой стаж работы и обширную практику, со случаями kleptomании Артур Эдуардович встречался всего два раза в жизни, и надо же было такому случиться, что оба этих случая произошли сегодня – в один и тот же день! Но на этом совпадения не закончились; оказывается, и вечерняя пациентка Виолетта, и молодой воришка, которого доктор осматривал утром, лечились в одной и той же клинике и, возможно, получали один и тот же препарат. Смущало только то, что Виолетта Петровна действительно страдала kleptomанией и, по ее словам, полностью излечилась, а вот пойманный на очередной краже паренек симптомы болезни

явно симулировал, рассчитывая, видимо, избежать наказания. Воришка рассказывал правильные симптомы, видимо, прочитав что-то о kleptomании, только его поведение с этим заболеванием несколько не вязалось. В отличие от kleптоманов, он не хватал импульсивно первые попавшиеся и зачастую ненужные предметы, а заранее присматривал ценные вещи, которые он мог бы потом продать. Однако после одной из предыдущих краж этому парнишке, как ни странно, поверили, и он прошел курс лечения от kleптомании. Вполне возможно, что он, как и Виолетта, получал в рамках клинического исследования новое лекарство, и похоже, что парень теперь тоже стал пренебрежительно относиться к материальным ценностям. Для мелкого воришки это было совсем уж удивительно, но в папке с уголовным делом, помимо его допроса, имелись и другие материалы, подтверждающие наличие странных симптомов.

«Неужели именно этот препарат под названием «Клептерин» и вызывает те самые симптомы антижадности? – вот о чем думал Манкевич, рассеянно слушая Виолетту Петровну. – Да уж, воистину: дайте мне, доктор, таблеток от жадности, да побольше, – вспомнил Артур Эдуардович бородастый анекдот. – Надо будет еще раз поговорить с тем молодым уголовником».

Весь следующий день доктор Манкевич посвятил тому, чтобы добиться еще одного осмотра Фролова Юрия Викторовича – так звали обвиняемого в краже парня. В клинику

Фролова возили из следственного изолятора для того, чтобы получить медицинское заключение по поводу якобы имеющихся у него психических расстройств. Эта «нагрузка» свалилась на голову Артура Эдуардовича, и он, еще не зная о том, что случай окажется таким интересным, постарался побыстрее развязаться с парнишкой. Он бегло посмотрел пациента, выслушал небылицы, которые тот пытался ему рассказать, и уже собирался написать заключение о злостной симуляции заболевания. Больше для порядка доктор пробежал глазами показания Фролова, где тот подробно рассказал о том, как он проник в здание магазина в пригородном поселке, и перечислил те вещи, которые он попытался стащить.

Теперь, в свете новой информации, Артур Эдуардович сам заявился к следователю и немало удивил его просьбой еще раз ознакомиться с материалами дела Фролова, объяснив это тем, что без их изучения к заключению экспертизы могут потом придаться на суде. Следователь нехотя согласился, о чем вскоре пожалел, поскольку доктор, просмотрев документы, настойчиво попросил организовать еще один осмотр обвиняемого.

Информация, вычитанная Манкевичем в материалах дела, не укладывалась ни в какие логические рамки. Не то чтобы опытный психиатр сильно удивился такой несуразности – в уголовных делах еще и не такую ахинею можно встретить, но здесь налицо имелась странная патология в поведении обвиняемого. С одной стороны, Фролов проявил достаточную

долю ловкости и изобретательности для того, чтобы проникнуть в помещение магазина, откуда он безуспешно пытался совершить кражу. С другой стороны, список украденного им ограничивался десятком банок дешевых консервов, парой буханок черного хлеба и бутылкой водки. Имелся, правда, акт инвентаризации, согласно которому из магазина пропала куча товарно-материальных ценностей, но украсть такое количество товаров Фролов даже теоретически не мог, ибо вывозить их ему пришлось бы на грузовике.

Если не брать в расчет неуклюжую попытку администрации магазина списать на эту кражу серьезную недостачу товара, то картина преступления выглядела так же просто, как и нелепо. Под вечер, в аккурат перед закрытием магазина Фролов незаметно залез в подсобку и там надел на себя четыре картонные коробки из-под какого-то товара, поставив их одну на другую, предварительно подогнув листы картона на днище и в верхней части коробок. Он так и простоял в углу подсобного помещения, изображая стопку коробок с товаром, до самого закрытия магазина. Ночью находчивый ворышка взял с полок то, что посчитал нужным, и со своей добычей вылез через окно второго этажа на козырек пандуса, откуда благополучно спустился на землю. Фролов, похоже, не заметил, что в торговом зале имеются датчики движения, и, спустившись с козырька, он тут же попал в объятия приехавшего на срабатывание сигнализации наряда.

Получалось, что Фролов, будучи в магазине, имел доступ

и в подсобные помещения, и в торговый зал, а значит вполне мог прихватить с собой массу более дорогостоящих товаров и даже деньги из стоящих в зале кассовых аппаратов. Однако взял он только то, что собирался съесть и выпить. Интересно, что ни следователь, ни кто-либо другой никак не отреагировали на странности в поведении обвиняемого.

Доктор Манкевич, конечно, знал по фильмам и по детективной литературе, что преступники иногда сознательно идут на заведомо неудачные мелкие кражи, чтобы сесть в тюрьму и уйти от ответственности за более серьезные преступления. Иногда рецидивисты делают это специально для того, чтобы снова попасть за решетку, поскольку жить на воле они уже не в состоянии. Так что поведение Фролова, возможно, было вполне себе рациональным, но все же есть здесь какая-то загадка. Сесть в тюрьму незадачливый воришка явно не хотел; в прошлый раз он даже пытался симулировать психическое расстройство. В общем истинные мотивы своего поведения мог пояснить только сам Фролов, и Артур Эдуардович надел на следователя и не слезал с него, пока не получил разрешения еще раз поговорить с обвиняемым.

Через несколько дней доктор Манкевич, получив, наконец, разрешение, отправился в следственный изолятор. Зачем это все ему понадобилось? Он и сам себе удивлялся. Как почти все самодовольные люди, Артур Эдуардович весьма высоко ценил собственное время. Он и на пациентов-то старался не тратить больше двадцати минут, если, конечно, они

не были богатыми или влиятельными людьми – тут Манкевич ни времени, ни сил не жалел. Видимо, случай со странным препаратом, вызывающим необъяснимым образом удивительный побочный эффект, не на шутку возбудил профессиональный интерес доктора.

Когда в тесную камеру со столом и стульями, привинченными к полу, привели обвиняемого Фролова Юрия Викторовича, доктор Манкевич сразу подметил в нем некоторую особенность, которой он не заметил во время их предыдущей встречи. В ходе беседы Артур Эдуардович понял в чем дело. Несмотря на показное простодушие, за которым парень пытался скрыть сидевшую в нем на уровне подсознания почти что животную настороженность, он демонстрировал удивительное равнодушие ко всему окружающему. Создавалось впечатление, что Фролову стало как будто все равно, что с ним будет завтра. Казалось, он постоянно говорит самому себе: «Пока все терпимо – и ладно, а там – будь что будет».

Тем не менее, увидев доктора, Фролов явно удивился, хотя вида не подал. Он, в ответ на приветствие Манкевича, сдержанно поздоровался и, силясь скрыть внутреннее напряжение, осторожно уселся на краешек стула, ожидая подвоха.

Артур Эдуардович приветливо улыбнулся, всячески показывая свое расположение к обвиняемому.

– Я здесь, Фролов, вот по какому поводу, – сказал он. – Все никак не могу дать заключение по вам.

– Угу... – неопределенно промычал в ответ Фролов.

– Не пойму я: то ли вы действительно больны kleптоманией, то ли симулируете.

– Вы чего, доктор? – с наигранным удивлением возразил воришка. – Меня же уже один раз за психа признали! Да и лечили меня от этой самой kleптомании.

– Ну да, ну да, – как будто только что вспомнив обстоятельства дела, закивал Манкевич, – вы там, я припоминаю, даже в клинике лежали.

– Точно, – подтвердил Фролов, – лежал в психушке – было дело.

– А кто у вас был лечащим врачом?

– Власов его звали. Лев Юрьевич.

– Власов? Знаю, знаю, – сказал Артур Эдуардович, хотя слышал эту фамилию впервые, – опытный доктор. И что же, он вам поставил диагноз «kleптомания»?

– А то, – подтвердил Фролов.

– И доктор вам, наверное, лекарство какое-нибудь от kleптомании назначал?

– Я в больнице целый месяц просидел. Все честь по чести. Он мне какие-то модные таблетки прописал. «Клептерин» называются.

– Лечили вас, лечили, а вы снова, значит, совершили кражу из магазина.

– Да чего я там взял-то? Пару банок тушенки да бутылку беленькой!

– А я там в деле целый список украденного видел. Листа

на три – не меньше.

– Э нет! – моментально отреагировал Фролов. – Этот номер не пройдет! Лишний хабар на меня навесить хотят. Там товару в этом списке – на особо крупный потянет! Я им что, баран, что ли?!

– Я вот только одного не могу понять, – задумчиво и как бы про себя проговорил Артур Эдуардович, – почему в магазине, где вас поймали, вы взяли только водку и консервы какие-то. Неужели ничего получше не было?

– Так пожрать-то мне чего-нибудь надо, – пожал плечами воришка. – Ну и выпить – всегда ведь охота.

– Ну хорошо, а одежда не нужна, что ли?

– Так одежда у меня есть.

– Но ведь и другая одежда тоже может пригодиться. Зима скоро. Можно и продать какой-нибудь товар.

Фролов замолчал, соображая. Последняя фраза, видимо, поставила его в тупик, и видно было, что парень искренне не понимает, что имеет в виду доктор.

«Похоже, в его сознании действительно потерялась логическая связка между приобретением материальных ценностей и удовлетворением с помощью них потребностей, – подумал Манкевич. – Причем даже самых базовых, не говоря уж о потребностях более высокого порядка».

– Ладно, Фролов, не буду вас больше мучить, – сказал Артур Эдуардович, – скажите мне только вот что, – доктор немного помолчал, соображая, как бы похитрее сформули-

рывать вопрос. – Вы ведь в клинике не один получали «модный», как вы выразились, препарат? Были ведь и другие пациенты?

– Был там еще один студент – бугаестый такой парень, – с готовностью ответил Фролов. – На таких же таблетках сидел. Он тоже в больничку с kleптоманией попал, как и я. В одной палате мы с ним были. Павлухой его зовут. Потом еще тетка какая-то из женской палаты тоже вроде эти колеса глотала.

– Как тетку зовут, не знаете? Не Виолетта часом?

– Черт ее знает... Может, и Виолетта.

– Тогда, может быть, фамилию студента вспомните?

– А зачем мне его фамилия? Не на допросе же...

– Последний вопрос: у этих двоих лечащим доктором кто был?

– Так Власов этот самый и был.

Глава четвертая

На Артура Эдуардовича, идущего с невозмутимым видом по коридорам клиники, поглядывали с любопытством. Доктор Манкевич хоть и снял в гардеробе верхнюю одежду, под которой был надет белый халат, своим холеным видом, дорогим портфелем и вальяжными манерами не особо походил на работающих в клинике докторов.

В больницу Артур Эдуардович пришел, чтобы удовлетворить свое профессиональное любопытство, не более того. Так, во всяком случае, говорил известный врач сам себе. На самом деле то, что он узнал о новейшем препарате для лечения редкой болезни, было весьма полезно для поддержания его собственного реноме. Доктору Манкевичу весьма заманчивой казалась перспектива блеснуть при случае перед своими коллегами или пациентами недюжинной осведомленностью. Однако часы, проведенные им перед компьютером, практически ничего не дали; информации о «Клептерине» он нашел всего ничего. Фармацевтическая фирма, разрабатывающая препарат, анонсировала его появление где-то через год, но в настоящее время на официальном сайте компании висело лаконичное сообщение о том, что разработка препарата прекращена. Ни о механизме действия «Клептерина», ни о действующем веществе, ни о результатах испытаний на животных или на людях не было ровным счетом

ничего. Клинические испытания проводила известная фирма, специализирующаяся на таких вещах, но подобные компании информации о ходе исследований в открытый доступ никогда не дают.

Получалось так, что единственным местом, где можно получить хоть какие-то сведения о «Клептерине», была клиника, в которой проводились исследования. Манкевич точно знал о трех пациентах, получавших этот препарат, но стороной, через своих знакомых и коллег, он выяснил, что в исследованиях участвовало около сорока больных. Интересно было узнать, помог ли им препарат и проявлялись ли у них столь специфические побочные явления, которые Артур Эдуардович наблюдал у тех пациентов, с которыми он общался.

Задача казалась довольно простой: клиника, где лечились больные, известна; имя врача, руководившего исследованиями, он узнал. На проверку все оказалось намного сложнее. Доктор Власов общаться о новом препарате наотрез отказался, да и остальные врачи клиники как будто воды в рот набрали. Пришлось Манкевичу поднимать свои связи и договариваться с главным врачом, и тут уж Лев Юрьевич отвертеться не смог и согласился на встречу.

Пока главврач, не дай бог, не передумал, Артур Эдуардович поспешил в клинику, а там его ждало разочарование; дверь кабинета доктора Власова оказалась открытой, но кабинет был удручающе пуст. Дальше Манкевич, пытаясь

разыскать руководителя исследованиями, как будто попал на страницы известного романа и ощутил себя Остапом Бендером в здании «Геркулеса». Лев Юрьевич находился где-то в клинике, но пребывал в перманентном состоянии «только что вышел» и попросту бегал от Манкевича. Причем, учитывая небольшую площадь, занимаемую отделением, где работал Власов, делал он это весьма мастерски.

Прошагав по коридорам с полчаса, заглядывая в палаты и кабинеты, Артур Эдуардович решил сменить тактику. В очередной раз сунувшись в ординаторскую, он, получив ожидаемый ответ о том, что Власов ушел буквально минуту назад, попросил передать неуловимому доктору, что придет завтра. После проделанного им хитроумного трюка Манкевич зашел в пустующий кабинет Льва Юрьевича, где и засел в засаде.

Не успел Артур Эдуардович поудобнее расположиться в кресле и открыть браузер смартфона, как в дверь докторского кабинета робко постучались. Приоткрыв дверь, на пороге появилась полноватая дама лет пятидесяти со скорбным, хотя и тщательно ухоженным лицом. Манкевич наметанным взглядом моментально оценил неброские, но дорогие (наверняка дизайнерские) вещи женщины, изящные туфли, сумочку известного бренда.

– Прошу прощения, а Лев Юрьевич на месте? – печальным голосом спросила посетительница.

– Увы, нет его, как видите, – ответил Манкевич, галантно приподнявшись с кресла. – Сам вот его жду.

– Извините, – обронила женщина и уже шагнула было за порог, но в нерешительности остановилась и посмотрела на одетого в белый халат Артура Эдуардовича, похоже, собираясь о чем-то его спросить.

– Вы что-то хотели у меня спросить? – с готовностью подбодрил ее Манкевич, почуяв весьма перспективную пациентку. – Слушаю вас внимательно.

– А вы... Вы тоже врач? – осторожно поинтересовалась дама.

– Манкевич Артур Эдуардович, – представился доктор. – Врач-психиатр, кандидат медицинских наук. Прошу вас, проходите, садитесь.

Нимало не смущаясь того, что находится в чужом кабинете, Манкевич расположился за большим столом с массивными тумбами, усадив женщину напротив.

– Итак, – вкрадчиво сказал доктор. – Я вас внимательно слушаю. Что вас беспокоит?

– Я бы хотела посоветоваться с вами, доктор...

– Конечно, конечно... Как вас зовут, простите?

– Собственно, речь не обо мне. Я пришла сюда по поводу моего сына.

– Все равно стоит познакомиться, я полагаю.

– Меня зовут Елена Платоновна, – сообщила посетительница. – А моего сына – Павел.

– Очень приятно, – сказал Манкевич. – А где вы работаете?

– У меня своя дизайн-студия.

– Отлично! Так что же вас ко мне привело? – спросил доктор, не моргнув глазом присвоив себе пациента, лечившегося у его коллеги.

– Видите ли, моему сыну Павлику – он студент четвертого курса – то есть был студентом, – глаза Елены Платоновны наполнились слезами, – его отчислили из института. Так вот, ему поставили диагноз «клептомания».

«Вот оно что! – подумал Манкевич, возликовав в душе. – Везет мне сегодня; похоже, сын этой дамочки и есть тот самый Павлуха – еще один пациент, получавший «Клептерин» в рамках клинических испытаний».

– Он лежал здесь, в клинике, – продолжала женщина. – Доктор Власов предложил ему пройти курс лечения новым лекарством, которое проходило клинические исследования.

– «Клептерин» называется, – вставил доктор.

– Да-да, именно «Клептерин», – подтвердила Елена Платоновна. – До этого ему прописали антидепрессанты, сначала одни, потом другие, но ничего не помогало. Он даже здесь, в больнице, умудрился что-то украсть. Вы не подумайте, – спохватилась женщина, – Павлик очень хороший мальчик, и у него все есть! Он просто болен. Наверное, я тоже виновата – слишком мало внимания уделяла ему, особенно в последние годы. Но что поделать? С мужем мы в разводе; на мне семья и бизнес. В какой-то момент Павел замкнулся, перестал мне рассказывать о своих делах, да и вообще

перестал со мной разговаривать. Я злилась, срывалась, кричала на него... – Елена Платоновна беззвучно заплакала, но быстро взяла себя в руки, проглотив слезы. – Он стал играть в азартные игры. Играл часами напролет, не в силах остановиться, проигрывал все, что у него было. После того как из дома стали пропадать деньги и ценные вещи, я не удержалась и закатила грандиозный скандал. Павел ушел из дома, перебрался в общежитие, и тут начались эти кражи... В студенческой среде такие вещи не прощаются; Павел перестал ходить на занятия, и его выгнали из института.

– Вы говорили, что ваш сын получал «Клептерин», – прервал убитую горем мать Манкевич. – Каковы результаты? Была ли положительная динамика?

– Поначалу как будто да, – ответила Елена Платоновна. – Во всяком случае Павел говорил, что желания украсть или тяги к азартным играм он больше не испытывает. Его выписали из клиники, и месяца два Павлик держался, но потом все повторилось опять. Мы с ним опять пришли сюда, чтобы попросить Льва Юрьевича назначить еще один курс «Клептерина», но доктор сказал, что проект закрыли и препарата больше не будет.

– Значит, сегодня вы пришли просить Власова снова положить вашего Павла в клинику?

– Не совсем так... – замялась Елена. – Видите ли...

– Можете говорить совершенно свободно, – подбодрил ее Артур Эдуардович своей дежурной фразой. – Все, что вы

скажете мне в этом кабинете, – останется между нами.

– Понимаете, доктор, «Клептерин» – это наша с сыном последняя надежда. Но ведь в аптеках-то он не продается. Я буквально умоляла Власова продать нам «Клептерин», и он согласился.

– Вот оно что...

– Только умоляю вас! Не говорите никому...

– Хорошо, хорошо, – закивал Манкевич. – Вернемся к вашему сыну. Скажите, а не замечали ли вы за ним некоторых странностей после приема «Клептерина»? Скажем, некоторого пренебрежения к материальным ценностям, что ли?

– Что вы имеете в виду, доктор? – не поняла Елена Платоновна.

– Не перестал ли он интересоваться вещами или, например, какими-то развлечениями – тем, что раньше представляло для него интерес?

– Нет, такого я не заметила. Скорее наоборот. В последнее время Павел стал все чаще просить у меня денег, причем требовал он приличные суммы. Одевается он всегда стильно, в дорогих магазинах, а на очередной день рождения попросил подарить ему новую модель смартфона.

Артур Эдуардович, ожидавший иного ответа, задумался. «Странно, что препарат в этом случае не дал побочки, – размышлял он. – Интересно, почему?»

– Вот что мы сделаем, Елена Платоновна, – сказал Манкевич после паузы. – Приходите вместе с вашим сыном ко

мне на прием, – он протянул женщине визитную карточку, – и я постараюсь ему помочь.

– А как же Лев Юрьевич? Мы договорились с ним на сегодняшний день...

– Доктор Власов вряд ли поможет вашему сыну, да и «Клептерин» в его случае не подходит, уж поверьте моему опыту.

Пусть ваш Павел обратится ко мне, и я подберу ему подходящую терапию.

Елена Платоновна ушла, горестно вздохнув на прощание, а доктор Манкевич снова глубоко задумался, переваривая услышанную информацию. Как человек сугубо логического образа мышления, Артур Эдуардович сразу же мысленно разложил по полочкам возможные причины, по которым «Клептерин» не подействовал на бывшего студента Павла, а также не дал того самого побочного эффекта. Таких причин Манкевичу виделось три. Во-первых, в клинических испытаниях часть больных могли получать плацебо, то есть пустышку, для того чтобы иметь возможность сравнивать результаты с группой испытуемых, получавших препарат. Во-вторых, сам Павел мог саботировать лечение и втихаря выплевывать таблетки, которые ему давали; с таким поведением пациентов Манкевич сталкивался, и не раз. Ну и, наконец, в-третьих, возможно, что препарат избирательно не действует на отдельных больных.

Последняя версия представлялась Артуру Эдуардовичу

наиболее вероятной и, с профессиональной точки зрения, наиболее интересной, но и две другие отметить было пока рано.

Недолгие размышления Манкевича были прерваны появлением хозяина кабинета. Лев Юрьевич Власов оказался невысокого роста лысоватым мужчиной трудно определимого возраста – где-то в промежутке между тридцатью и сорока. Артур Эдуардович без особого интереса оглядел невзрачную фигуру донельзя замотанного рутиной работы и повседневной жизни доктора. Ничего необычного – такой вид приобретала добрая половина выпускников медицинских вузов после пяти-десяти лет работы в цепких руках государственного здравоохранения. «Ну вот, – подумал Манкевич. – На ловца и зверь бежит».

– Здравствуйте, Лев Юрьевич! – сказал он.

– Это вы! – воскликнул Власов, встав от неожиданности как вкопанный на пороге собственного кабинета. – Ну я же вам уже говорил по телефону, что не могу ничего сказать по «Клептерину», – заканючил он, перейдя на плаксивый тон. – Эту информацию разглашать запрещено; я подписывал соответствующие бумаги. Вы же врач – сами все понимаете.

– Кстати о бумагах, – веско сказал Манкевич. – Вы ведь отчитались о сорока с чем-то пациентах, якобы участвовавших в клинических исследованиях? – доктор Власов после этих слов съезжился, втянув голову в плечи, как будто ожидая, что его начнут бить. – Не отпирайтесь, – присовокупил

Артур Эдуардович, хотя Власов не сказал ни слова, – ваши коллеги мне все рассказали.

– Что вы от меня хотите? – чуть не плача, взмолился Лев Юрьевич.

– Сколько было пациентов на самом деле?

– Я не могу...

– Вот что, Лев Юрьевич, – сказал Манкевич, грозно сдвинув брови. – Сдается мне, что вы хотите нарваться на проверку со стороны комитета по здравоохранению?

– Четыре человека.

– Я знаю Фролова, Быстрову и Павла Сонины. Кто четвертый?

– Не помню фамилию; надо записи поднять.

– Куда вы дели излишки лекарства?

– Я все выбросил.

– Лев Юрьевич! – досадливо поморщился Манкевич. – Вы же обещали матери Сонины продать ей «Клептерин» еще на один курс.

– Ну да, да, хорошо... – признался Власов. – Тот самый четвертый пациент... Это мой родственник. Он не страдает kleptomанией, и я давал ему аспирин вместо этого препарата. Поэтому у меня остались две лишних упаковки «Клептерина».

Лев Юрьевич подошел к столу, выдвинул верхний ящик и выложил на стол два блистера с таблетками.

– И это все? – с сомнением спросил Манкевич.

– Клянусь, больше нет!

– Смотрите, коллега, – предостерег Артур Эдуардович, – «Клептерин» этот дает весьма неприятное побочное действие. Потому и исследования прикрыли. Так что продавать его направо-налево я вам категорически не советую.

– Да, конечно, я все уничтожу! – поспешно заверил Власов, потянувшись рукой к блистерам на столе.

– Нет уж! Знаю я вас, – остановил его Манкевич. – Сам уничтожу от греха подальше.

С этими словами Артур Эдуардович взял пачки с таблетками и отправил их в свой портфель. Манкевич уже собрался уходить, когда вспомнил о своих размышлениях, прерванных появлением Власова.

– Да, вот еще что, – сказал он. – Хотел спросить: получали ли больные плацебо в ходе клинических исследований «Клептерина»?

– Нет, – не раздумывая ответил Власов. – Все участники получали препарат.

– А вот Павел Сонин, он действительно принимал «Клептерин»? Не мог этот парень лекарства в унитаз потихоньку спускать? Как думаете?

– Вряд ли. Павел сам меня упрашивал назначить ему еще один курс «Клептерина».

Из клиники Артур Эдуардович вернулся домой, пребывая в отменном настроении, разузнав почти все, что ему было нужно. С другой стороны, вся эта история, несомненно лю-

бопытная, но не такая уж и удивительная, стала все меньше интересовать Манкевича. «Обычный отечественный бардак, – думал он. – Удивительно, что фармфирмы все еще проводят клинические исследования у нас в стране».

Удобно расположившись с бокалом вина на диване в своем холостяцком жилище, Артур Эдуардович поуютнее завернулся в плед и включил телевизор. После развода доктор Манкевич жил один в большой трехкомнатной квартире, обустроенной, наконец-то, так, как ему нравится. Он любил такие вечера, когда на улице ненастная погода, а дома тишина, уют и тепло, а главное – никого вокруг. Доктор не спеша потягивал вино и, лениво нажимая кнопки на пульте, перебирал телевизионные каналы. Негромкий рокот телевизора успокаивающе действовал на нервы, но ничего путного, увы, не показывали. Артур Эдуардович уже готов был смириться с каким-нибудь сериалом, лишь бы там не было бесконечной стрельбы, мордобоев и прочей бандитополицейщины, но тут он вдруг наткнулся на любопытную передачу.

Транслировалось что-то типа ток-шоу, происходящего в студии с ярко освещенной сценой посередине, на которой стояли два стула, окруженной полукругом сидений со зрителями, едва различимыми в полумраке. Ведущая – полная женщина среднего возраста – рассказывала о некоем загадочном манускрипте, обнаруженном в пещерах Кумрана в числе других рукописей. В отличие от найденных в Иудейской пустыне свитков в этом манускрипте не было библей-

ских текстов или апокрифов. Манускрипт содержал ни много ни мало древний рецепт «эликсира счастья». Ведущая утверждала, что некие избранные люди, отведавшие этот эликсир, мало того что сами обретут вечное счастье, но еще и смогут передать это «счастье» другим людям.

– И у нас сегодня в студии двое избранных, попробовавших изготовленный по древнему рецепту эликсир, – сказала она.

Камера развернулась и уперлась в стоящие на сцене стулья. К немалому удивлению Манкевича, на стульях сидели те самые пациенты доктора Власова: Виолетта Быстрова и вор-рецидивист Фролов. Они сидели не шевелясь, держа друг друга за руку, с просветленными лицами и благостным, устремленным куда-то вдаль, невидящим взглядом.

– Сегодня у нас эксклюзивная передача! – торжественно провозгласила ведущая. – Наши гости готовы подарить счастье всем, кто находится в этой студии, – камера выхватила крупным планом лицо ведущей, и Артур Эдуардович с изумлением узнал в ней Елену Платоновну – мать лечившегося у Власова пациента – Павла Сонины. – И потому, – сказала она, глядя в объектив, – я привела сюда моего несчастного сына, страдающего психическим заболеванием.

На сцене действительно появился высокого роста плечистый парень. Манкевич, хоть и не встречавшийся до того с Павлом Сониным, сразу понял, что это он. Парень подошел к сидевшей на стуле Виолетте и взял ее за свободную руку.

Взгляд Павла моментально засветился так же, как и у женщины, а его лицо приобрело елейное выражение.

– Я обращаюсь к зрителям, – сказала Елена Платоновна, повернувшись к залу. – Вы все тоже можете присоединиться к нашим участникам и стать счастливыми.

В зрительном зале заволновались, но выйти на сцену никто не решился. Наконец высокая статная женщина встала и направилась в центр студии, ведя за собой молоденькую девушку. Артур Эдуардович даже рот раскрыл от изумления; это были его бывшая жена Нина и их дочка Настя. Обе женщины, взявшись за руки, вышли на сцену, Нина взяла за руку Павла, после чего и с ней, и с Настей тут же произошла такая же метаморфоза, что и с молодым человеком, означающая, по-видимому, обретение «счастья».

После этого на сцену потянулись остальные зрители, причем, что удивительно, все они были так или иначе знакомы Манкевичу. Он увидел нынешних и бывших коллег, тестя и тещу, своих престарелых родителей, других родственников, дальних и полузабытых, с которыми он не общался много лет. Люди все шли и шли, хотя изначально зрителей в студии было не так много. Бывшие сокурсники Артура Эдуардовича, его преподаватели, случайные знакомые, пациенты поднимались на сцену, брали за руку уже стоящих там и протягивали другую руку вновь пребывающим. Шли они, как зомби, не говоря ни слова, с невидящим взглядом. Достигнув заветной сцены и взявшись за руки, они оставались там

и оставалось только удивляться, как такое количество людей умещается на небольшом пятачке в центре студии.

Как замороженный смотрел Артур Эдуардович на этот дикий парад родственников и знакомых, безмолвно шествующих «за счастьем». Впрочем, безмолвствовали не все участники этого ток-шоу, абсурдного и даже зловещего. Маленький человек в поношенном, но тщательно выглаженном старомодном костюме, в громоздких очках и с красивой гривой седых волос метался среди идущих, пытаясь что-то им объяснить. В этом невысоком мужчине Артур Эдуардович с трудом узнал своего научного руководителя – профессора Константина Ильича Каверина, забытого Манкевичем почти сразу после защиты диссертации, которую Артур Эдуардович написал под его руководством. На экране телевизора профессор что-то говорил, жестикулировал. Его не слушали. Он начал говорить громче и, в конце концов, перешел на крик.

– Что же вы делаете?! – надсадно кричал Каверин. – Остановите это! Остановите, пока не поздно! Разомкните руки, разорвите цепочку!

Константин Ильич изо всех сил продирался через толпу, пытаясь побыстрее прорваться на сцену, но неудержимый людской поток захлестнул щуплого профессора и вскоре он исчез среди плотной массы людей. А люди все пребывали и пребывали; пальцы их смыкались с пальцами держащихся за руки счастливых. Как только вновь прибывшие участники

шоу включались в цепочку державшихся за руки, их глаза тут же светлели, невидящий взгляд устремлялся вдаль, лица становились моложе, морщины на них исчезали, складки разглаживались. Они тоже становились счастливыми...

В нос Артура Эдуардовича ударил резкий винный запах, а животом он почувствовал неприятный холодок. Доктор чертыхнулся, сообразив, что пролил на себя остатки вина из бокала. Он так и лежал на диване перед телевизором. На экране взрывались машины, кто-то стрелял, кто-то кого-то бил по физиономии. Доктор Манкевич догадался, что он попросту уснул перед телевизором, и все эти державшиеся за руки люди привиделись ему во сне.

Глава пятая

Хмурое и дождливое утро пятницы началось с неприятного чувства необходимости выполнить досадную, но неизбежную обязанность. Несмотря на то что Артур Эдуардович относился к своим старинным, еще со времен школьной скамьи друзьям с симпатией, ежегодные сборища с ними были для него не то чтобы неприятны, а скорее обременительны. Тем не менее традицию, да еще такую устойчивую и многолетнюю, нарушать нельзя.

Давным-давно четыре пацана-сверстника, проживающие в разных парадных одной из панельных пятиэтажек, стройные ряды которых заполняли кварталы тихой спальной окраины большого города, были практически неразлучны. Вместе они пропадали целыми днями во дворах, придумывали игры, хулиганили сообща, а когда в один и тот же год им исполнилось по семь лет, все они попали в один и тот же класс средней школы, расположенной в сером унылом здании типового проекта, возведенном, согласно градостроительному плану, тут же – среди пятиэтажек.

После окончания десятилетки пути некогда неразлучных друзей-приятелей разошлись. Дальнейшая судьба одноклассников сложилась по-разному, но в целом подтвердила, за одним-единственным исключением, народную мудрость о том, что яблоко должно упасть где-то недалеко от садового

дерева, его взрастившего.

Сын супружеской четы врача-гинеколога и зубного техника Артур Манкевич, естественно, поступил в медицинский институт.

Отец Вальки Перова был потомственным военным, как и все его предки мужского пола бог знает до какого колена, а мама, как и полагается идеальной офицерской жене, закончила педагогическое училище. Сам Валентин хоть и рос изрядным хулиганом, благодаря широкому армейскому ремню отца и тому, что мать работала в их же школе, стал все-таки человеком, несмотря на то что выбрал гражданскую профессию. Окончил он химико-фармацевтический факультет и, чтобы не слишком нарушать семейные традиции, пошел работать в какой-то оборонный НИИ, где и сделал почти что головокружительную карьеру, дослужившись к сорока пяти годам до директорского кресла.

Третий приятель – Эдик Коншиев, вырос в семье советских журналистов, работающих в разных отделах одной и той же заводской многотиражной газеты. Если мать Эдика безропотно тянула не слишком обременительную, но идеологически сложную, а иногда и опасную лямку автора статей о бесконечных трудовых достижениях работников крупного предприятия, то его отец – бунтарь и диссидент в душе – всю свою трудовую жизнь маялся из-за внутреннего конфликта между собственными убеждениями и текстами его заметок, печатавшихся на страницах многотиражки. Ком-

пенсирюя нравственные терзания частыми возлияниями, кухонными разговорами с единомышленниками и регулярным прослушиванием по ночам иностранных радиостанций, отец Эдика изливал душу на бумаге. Он писал недурные стихи и хорошую прозу. Учитывая заведомо крамольное содержание своих произведений, он никогда даже не пытался их опубликовать и писал исключительно «в стол», лишь изредка читая рукописи своим друзьям по кухонному протесту. Характером под статью своему родителю обладал и Эдик Коншиев, со школьной скамьи конфликтовавший со всем миром. Он и школу-то закончил только благодаря работающей там матери Валентина Перова, пару раз еле уговорившей директора не выгонять скандального ученика. В институте Эдик (он учился на филологическом) пошел по стопам отца, а точнее – вступил на кривую дорожку – стал писать рассказы и короткие повести. То ли из-за отсутствия таланта, то ли, наоборот, из-за особой гениальности опусы Эдика окружающие не поняли и не приняли, усугубив конфликт автора с суровой действительностью. В итоге, несмотря на то что времена настали относительно либеральные, напечатать что-либо из написанного Эдуарду так и не удалось. Тогда, пользуясь опять-таки задувшими ветрами перемен, он ударился в политику, что принесло мятежному автору некоторую известность, но пагубным образом сказалось на его благосостоянии и семейном положении. Ни семьей, ни постоянной работой Эдуард так и не обзавелся. Наконец он осел-таки в каком-то

отделении какой-то партии, вроде бы оппозиционной, но в то же время финансируемой не только за счет иностранных грантов, но и из государственного бюджета. С этого момента Эдика стали приглашать на публичные мероприятия, и он, обзаведясь приличным костюмом, стал произносить зажигательные речи, придерживаясь в основном левых взглядов, обличающие нечистых на руку капиталистов и прочих эксплуататоров. Правда, приютившая Эдуарда партия основной своей задачей ставила сохранение окружающей среды, так что ему волей-неволей пришлось бороться с глобальным потеплением и загрязнением Мирового океана. Со временем «зеленая» повестка полностью захватила политика, и Эдуард Анатольевич Коншиев стал ревностным борцом с техническим прогрессом, приносящим непоправимый вред нашей планете, что, впрочем, никак не диссонировало с его идеями о социальной справедливости.

Тем самым исключением из правила о яблоке и яблоне оказался четвертый участник мальчишеской компании. Слава Афанасьев был из неблагополучной, как тогда говорили, семьи. Мальчишки, в силу возраста не придававшие этому значения, без колебаний приняли в свою компанию живущего с ними по соседству сверстника, а вот их родителям такая дружба пришлась не по вкусу. Впрочем, во времена позднего Союза на социальные и сословные различия смотрели несколько проще. Отец Славика работал электриком в жилконторе и крепко выпивал, в то время как мать, выби-

ваясь из сил, мыла полы в местном доме культуры и еще в трех или даже в четырех учреждениях. В семье вечно не было денег, зато не прекращалась ругань, доходившая порой до рукоприкладства. Вячеслав Афанасьев, единственный из их компании не доучился до десятого класса, отправившись после восьмого в профессиональное училище. Все указывало на то, что его судьба сложится так же, как и у его незадачливого папаши, но пресловутые ветра перемен подхватили Славика и вынесли его на совершенно иной путь. После окончания училища Слава Афанасьев одним из первых освоил ремонт импортной электроники, валом повалившей в страну из-за рубежа. Довольно быстро он открыл на паях со своим сокурсником из училища ремонтную мастерскую, со временем разросшуюся в целую сеть. Как и большинство предпринимателей эпохи дикого капитализма, Слава, особо не церемонясь в методах ведения бизнеса, занимался всем, что подворачивалось под руку и, в отличие от многих, сумел выжить и сохранить почти все то, что успел отхватить в то сложное, но золотое время. К описываемым событиям Вячеслав Иванович Афанасьев уже владел довольно крупным предприятием, изготавливающим электроприборы промышленного назначения и, кроме того, организовал кучу фирм и компаний, занимающихся сопутствующей деятельностью типа проектирования и монтажа того же электрооборудования.

Внешностью школьные друзья Артура Эдуардовича, как,

собственно, и карьерой, мало походили на него и друг на друга. Полноватый подросток Валя Перов превратился в поджарого и подтянутого чиновника с суровым и четким, как у памятника, лицом с застывшим на нем выражением солидной настороженности. Довершала картину тоненькая золотая оправа изящных очков, которые он носил практически не снимая.

Эдик Коншиев, наоборот, раздобрел, заимел обширную лысину, отрастил пухлые щечки, обзавелся близорукостью и, как следствие, очками с тяжелой оправой. Со стороны он производил впечатление беспокойного, вечно озабоченного пенсионера-общественника, вынужденное безделье которого компенсируется кипучей деятельностью.

А вот Вячеслав Афанасьев не особо изменился, так и оставшись широким и неуклюжим верзилой с огромными ручищами и ногой, едва влезающей в ботинок сорок шестого размера. Только его лицо, закалившееся в передраггах, немного рыхлое, с тяжелым подбородком, рубленными складками и нависающими над глазами бровями, даже отдаленно не напоминало пухлую и простоватую физиономию школьной поры.

Общались бывшие закадычные приятели редко; сфера деятельности, круг интересов, привычки и увлечения у всех были разные. Однако неугомонный Слава Афанасьев, верный старой дружбе, каждый год собирал одноклассников, несмотря на их вялое сопротивление, организовывая сов-

местную встречу. Тяжелые на подъем приятели, да еще и обремененные множеством забот, без особого восторга собирались на эти мероприятия, но никто из них ни разу не пожалел о том, что выбрался на встречу со школьными друзьями. Тем более что Славик, организовывая совместные сборища, никогда не скупился, благо он мог себе это позволить, и встречи всегда были устроены по высшему разряду. Как правило, владелец завода вывозил своих приятелей на пару дней в различные живописные места, где он снимал шикарные апартаменты.

Вот и на этот раз Артура Эдуардовича одолевали сомнения. С одной стороны, встретиться с друзьями и одновременно отдохнуть и развеяться было бы неплохо, а с другой стороны, тащиться невесть куда, в то время как у него полно дел и забот, не очень-то и хотелось. Да тут еще пришло долгожданное, а потому неожиданное известие. Уже больше двух лет доктор Манкевич сотрудничал с одним из ведущих европейских университетов, надеясь со временем получить там работу на постоянной основе. И вот, наконец, он получил предложение поработать по контракту в Германии. Контракт с университетом предлагали заключить пока на полгода, но с возможностью его продления, если обе стороны останутся довольны друг другом. Лететь в Германию нужно было через две недели, но перед этим следовало закончить все дела здесь, так что встреча со школьными друзьями оказалась совсем некстати. Но Артур Эдуардович все же решил

потратить выходные и провести время со своими приятелями, потому что, во-первых, от Славика все равно не отделаешься, а во-вторых, неизвестно, когда он теперь сможет увидеться со своими однокашниками в следующий раз.

Встреча бывших одноклассников в этом году случилась на одном из горнолыжных курортов, где Вячеслав Иванович снял целиком огромный коттедж, вмещающий человек десять, а то и больше. Утро и середину первого дня приятели провели на склонах, уже засыпанных первым октябрьским снегом. Толком покататься не удалось; снежный покров оказался совсем куцым, зато и народу на склонах, да и на всем курорте было мало, что и понятно – горнолыжный сезон начинается здесь только в ноябре.

Вернувшись к обеду в коттедж, проголодавшиеся одноклассники немедля сели за стол. Когда первый голод был утолен, приятели принялись за беседу. Сначала, как и полагается, последовал обмен обычными вопросами-ответами хорошо знавших друг друга, но не видевшихся целый год людей. Потом солировал, как всегда, Эдик. Сам политик на лыжах не катался и, будучи на склоне, все время провел в баре, прячась от пронизывающего ветра и согреваясь глинтвейном. За обедом Эдуард Анатольевич принял еще пару рюмок спиртного, после чего оседлал любимого конька.

– Вот скажи мне, Слава, – насел он на бизнесмена, – обязательно было снимать такую громадину?

– А что? Не нравится? – встрепенулся Вячеслав Ивано-

вич. – Этот домик здесь один из самых лучших.

– Ну конечно, где уж нам что-нибудь поскромнее брать, – с заученным сарказмом продолжал гнуть свое Эдик. – Показная роскошь прежде всего! Мы ведь здесь одни на полутысяче квадратных метров!

– Да ладно тебе! – оборвал его Валентин. – Не на партсобрании! В кое-то веки собрались, а ты и здесь митинг устроить норовишь.

Эдуард замолчал, несколько не обидевшись, ибо к нелицеприятным выпадам в свой адрес привык, но всем своим видом продолжал выражать возмущение.

– Слушай, Валя, а мы ведь тебя еще не поздравили с новой должностью! – сделав вид, что он только что вспомнил о назначении приятеля директором, воскликнул Артур Манкевич для того, чтобы сменить тему разговора на более позитивную.

– Ну так поздравляйте! – с энтузиазмом согласился Валентин, подняв со стола рюмку.

– А я всегда был уверен, что Валька далеко пойдет! – сказал Вячеслав, после того как приятели выпили. – Вот и папаша мой покойный говорил, что Валентин наверняка большим человеком станет.

– Еще бы от лишнего гонора избавился, так цены б ему не было, – вставил Эдик. – А ты от лишней жадности, – добавил он, обращаясь к пытавшемуся возразить Вячеславу.

– Это ты зря, – ударился в рассуждения слегка захмелев-

ший Вячеслав Иванович. – Без жадности никуда. Это, брат, первейший двигатель прогресса. Я благодаря чему всего добился? Потому что мне всегда чего-то не хватало! Потому что сколько бы я ни заработал – все было мало! Все, что люди выдумывают полезного, – от жадности. Ну или почти все...

– Ну это тянет прямо на новое философское учение, – перебил Эдик. – Школа жадности! Вот только, боюсь, с последователями будет не густо.

– Не скажи, – с некоторой иронией возразил Валентин. – Сейчас это модно. Все кому не лень кинулись учить людей тому, как добиться успеха. Причем, заметь, чем проще рецепт, тем популярнее учитель и тем дороже стоит его обучение.

– Зря смеетесь, – обиделся Вячеслав. – Я бы вам рассказал историю, которая доказывает, что я прав, но толку никакого, потому что вы все равно в бизнесе не смыслите ни уха ни рыла.

Друзья, чтобы не обижать Вячеслава Ивановича, который, к слову, за все платил, стали наперебой просить его рассказать то, что он собирался, и тот, дав себя уговорить, с заметным удовольствием начал излагать историю, произошедшую недавно на его предприятии.

– Из-за чего больше всего убытков на заводе? – немного косноязычно поставил вопрос ребром предприниматель, после чего сам же на него ответил. – Из-за воровства! Уж давно совковые времена прошли, а все одно тащат с родного пред-

приятия, что не приколочено. Как там говорилось в нашем с вами детстве: «Неси с работы каждый гвоздь, ведь ты хозяин, а не гость».

– Ну и что здесь такого страшного? – фыркнул Эдуард. – Взял рабочий человек по бедности своей что-нибудь для себя. От тебя не убудет, а у него, может, семья, дети, кредиты; от зарплаты до зарплаты еле концы с концами сводит.

– Так ведь воруют-то что попало. Нет, ну я понимаю, если вещь продать можно или в хозяйстве пригодится, так нет – надо не надо – все хватают. Попадаются, с работы вылетают, под статью лезут, а все равно несут и несут. Так что воруют они не от нужды, а чисто от жадности.

– Так история-то твоя о чем? – напомнил Валентин.

– А история про то, что ради этой самой жадности работы мои такую смекалку включают, такие хитрости придумывают, что диву даешься! – продолжил Вячеслав. – Давеча жалуется мне начальник цеха, что стал у него спирт пропадать...

– Ничего себе, ненужная вещь! – перебил Эдик. – Это же для рабочего класса самое ценное! Жидкая валюта!

– Да какая там валюта, – отмахнулся владелец завода. – Спирт технический. Пить его в принципе можно, не отравишься, но в общем-то редкостная дрянь. Плачу я рабочим на своем заводе хорошо, и водки недорогой в любом магазине залейся. Всяко лучше, чем давиться этой гадостью.

– Помолчи ты, Эдик, дай ему рассказать, – не выдержал

Валентин, – а то он до завтра не закончит!

– Короче, что ни день – минус литр-два спирту. Начальник цеха перед каждой сменой отпускает его по норме – все как положено. Привозят спирт два раза в неделю, хранится он в большой пятнадцатилитровой бутылке для химреактивов. Днем, пока начальник в цехе – все в порядке, а вечером, перед тем как уйти домой, он, от греха подальше, запирает бутылку со спиртом в сейф у себя в каптерке. Утром придет на работу – сейф на месте, дверцы заперты, бутылка внутри, а спирта не хватает. Ясно, что кто-то из вечерней смены поживился, но как – уму непостижимо!

– Наверное, кто-то дубликат ключа от сейфа сделал, – предположил Манкевич.

– Тоже так думали, – кивнул Вячеслав. – Замки у сейфа поменяли. Не помогло! Еще версии будут?

Рассказчик замолчал, обведя взглядом приятелей. Те только лениво пожимали плечами, не стремясь высказать предположений.

– Установили мы втихаря камеру, и что бы вы подумали? – охотно и даже с некоторым азартом продолжил Вячеслав. – Как только начальство расходится по домам, все мужики из вечерней смены, сколько их там есть в цехе, заваливаются в каптерку и поднимают на руках сейф. Представляете?! Он у меня еще дореволюционный, чуть ли не полтонны весит! У бутылки из-под химикатов пробка не особо плотная, вот спирт и выливался понемногу, когда сейф переворачивали

на бок. Так вот работяги часа полтора держали на весу эту громадину, пока спирт через щели капал в подставленный таз! И это ради нескольких бутылок алкоголя, цена которым в магазине – три копейки! Не говоря уж о том, что заводской спирт – полное дерьмо. И все это только из жадности.

Вячеслав Иванович с победным видом посмотрел на своих друзей, ожидая реакции на свой рассказ, которой, впрочем, не последовало, ибо приятели так до конца и не поняли, какой такой скрытый смысл заложил Слава в эту историю. Откликнулся только Эдуард, которого политическая деятельность приучила высказываться по любому поводу.

– История, конечно, поучительная, – сказал он, – и она еще раз доказывает то, что жадность – отвратительное качество. И я вам могу сказать как специалист, что именно из-за жадности некоторых, с позволения сказать, предпринимателей, – Эдуард выразительно посмотрел на Вячеслава Ивановича, – наша планета скоро превратится черт знает во что!

– Ну пошло-поехало! – вмешался Валентин. – Оставь ты Славика в покое, да и нас пожалей! Мы тут собрались отдохнуть и за жизнь поговорить, а тебя вечно несет в классовую борьбу. Потому-то ты и один до сих пор – тебя ж ни одна жена больше месяца не вытерпит!

– Я, может быть, и не женился потому, что все женщины, с которыми я встречался, на поверку оказались на редкость меркантильными существами! – в сердцах выпалил Эдик. – Им только деньги подавай! А я всю жизнь должен положить

на то, чтобы на их капризы работать?

– Слушай, Валентин, – то ли в шутку, то ли всерьез сказал Вячеслав, – вы бы там в вашем НИИ постарались да придумали какие-никакие таблетки от жадности что ли, а то Эдик наш так и не женится никогда.

– Вы будете смеяться, но таблетки от жадности существуют, – заявил до этого все больше помалкивающий доктор Манкевич, действительно вызвав у школьных приятелей дружный хохот. – Да нет же, точно вам говорю! Я бы тоже не поверил, если бы сам не осматривал нескольких пациентов, получавших этот препарат.

– Да брось ты заливать, Артур! – отсмеявшись, сказал Валентин Перов. – Если бы такой препарат действительно существовал, то об этом раструбили бы на всех перекрестках. Это же научная сенсация – не меньше!

– Дело в том, что препарат на самом деле предназначен для лечения другой патологии, но выяснилось, что он почему-то дает очень странную побочку... – возразил Артур Эдуардович и, особо не задумываясь о последствиях, рассказал своим друзьям то, что он знал о клинических испытаниях лекарства под названием «Клептерин» и об их неожиданных результатах.

Глава шестая

На следующее утро Артур Эдуардович встал пораньше. Будучи большим любителем горных лыж, он, истосковавшись за летние месяцы без любимого развлечения, не оставлял надежду как следует покататься, благо ночью опять пошел вождеденный снег. Спустившись по крутой лестнице в громадный холл коттеджа, с грубыми деревянными балками под самой крышей и необъятным камином, доктор Манкевич застал там Валентина Перова, завтракавшего в одиночестве. Директор института был одет в спортивный костюм, лениво потягивал кофе и на склоны с горнолыжными трассами, видимо, не спешил.

– Доброе утро, – приветствовал его Артур Эдуардович. – А где Слава с Эдиком?

– Доброе, доброе, – отозвался Валентин. – Дрыхнут без задних ног. Они же вчера на грудь прилично приняли и, похоже, полночи о смысле жизни спорили.

– Ладно, бог с ними. А ты почему еще не одет? Я сейчас быстренько перекушу и вперед, кататься.

– Да какое там катание? Снега нет совсем.

– За ночь вроде напало.

– Сегодня потеплело; потекло все.

– Жаль! Когда еще выберусь...

Манкевич сел напротив приятеля, налил себе кофе и по-

тянулся к тарелке с тостами. Валентин Игоревич отодвинулся от стола и, раскинув руки по спинке дивана, с минуту смотрел на жующего доктора, что-то прикидывая в уме, потом подался вперед и негромко произнес:

– У меня к тебе дело, Артур.

– Давай... Говори... – согласился Манкевич, не переставая жевать.

– Ты когда вчера про препарат от kleптомании рассказывал, ничего часом не присочинил?

– Нет. Все так и было. А что это ты вдруг заинтересовался?

– Есть у меня мыслишка, как на этом самом «Клептерине» заработать. Причем весьма неплохие деньги.

– Так ведь его так и не запустили. Я же говорил, что разработку прикрыли на стадии клинических испытаний.

– В этом-то и суть, – с довольным видом сказал Валентин, плотоядно потирая руки. – Значит, он не зарегистрирован, и права на него не оформлены.

– Слушай, Валя, – попытался отмахнуться Манкевич, – ну какие могут быть деньги на препарате от kleптомании? Заболевание-то почти что экзотическое. Кому ты его продавать-то собираешься?

– Насчет kleптоманов ты, конечно, прав – на них не работаешь. Тут как раз тот случай, когда побочный эффект лекарства намного интереснее его основного действия.

– Но это же абсурд какой-то!

– Ну почему же абсурд? Вспомни «Виагру». Препарат вроде бы разрабатывался для лечения ишемической болезни сердца, если мне память не изменяет, но успех-то ему как раз принесло довольно-таки пикантное побочное действие.

– Но ведь описания «Клептерина» нет, документация не публиковалась, действующее вещество неизвестно. Как ты его производить-то собираешься?

– Не забывай, что у меня в подчинении целый институт, – веско сказал Валентин Игоревич. – Ты давеча сказал, что у тебя есть несколько таблеток? – Артур Эдуардович кивнул. – Так ты, дорогой, отдай их мне, а я отнесу в нашу лабораторию. Пускай мои специалисты над ними поколдуют.

– Ну хорошо, – с сомнением в голосе согласился Манкевич, уже пожалевший о том, что вчера под рюмку рассказал приятелям об удивительном лекарстве и о том, что какое-то количество таблеток у него имеется.

Артур Эдуардович сходил к стоявшему в углу платяному шкафу, где висела их верхняя одежда, и достал с боковой полки свой портфель, который он по привычке везде таскал с собой. Пошарив внутри, доктор вытащил из его недр блистер с таблетками и отдал его Валентину. Потом еще раз осмотрел внутренности портфеля на предмет второго блистера, однако его в чемодане почему-то не оказалось.

– Странно, – недоуменно пожав плечами, сказал он, – я точно помню, что была вторая упаковка с лекарством.

– Да бог с ней, – сказал Валентин. – Для того чтобы опре-

делить формулу действующего вещества, одной пачки более чем достаточно.

– А что потом? – спросил Манкевич.

Наверху хлопнула дверь, и на лестнице показалась до-вольню-таки помятая фигура Эдика Коншиева.

– Давай мы с тобой через пару дней в городе встретимся и все дела обсудим, – быстро сказал Валентин. – Мы же сюда кататься приехали, в конце концов.

– Так ведь снег растаял, – уныло возразил Артур Эдуардович.

– Ну ничего, пойдем просто так по окрестностям погуляем, – нашелся Валентин. – Иди, давай, буди Вячеслава, завтракаем, и на улицу.

На прогулку друзья выбрались лишь после полудня, после изрядно затянувшегося завтрака, а на следующий день утром вся дружная компания отправилась в аэропорт и отбыла по домам.

О том, что он согласился на встречу с Валентином Перовым, доктор Манкевич совершенно забыл. Суета и хлопоты человека, надолго уезжающего за границу, захватили Артура Эдуардовича целиком, и когда утром во вторник его приятель позвонил, чтобы уточнить, когда он приедет, Манкевич несколько растерялся. Он стал лихорадочно соображать, пытаясь выдумать убедительную причину отмены запланированного визита к Валентину. Ничего не придумав, Артур Эдуардович сделал робкую попытку отговориться за-

нятостью.

– Валя, ты извини, ради бога... – заговорил он в трубку. – Не могу я сегодня... Ты же знаешь – в Германию уезжаю. Дел по горло. Давай через пару дней пересечемся.

– Какие, к дьяволу, дела?! – Валентин был неумолим. – Бросай все и езжай ко мне!

– Но к чему такая срочность-то?

– Я из лаборатории данные по «Клептерину» получил. Нужно, чтобы ты посмотрел.

– Не вопрос. Скинь мне на почту, а я гляну и, если надо, по телефону обсудим... Ну или встретимся дня через два-три.

– Да ты вообще о чем?! Через два-три дня нам с тобой нужно быть в столице...

Манкевич чуть было телефон не выронил от неожиданности.

– Валентин! – вышел из себя обычно довольно-таки деликатный в общении с окружающими Артур Эдуардович. – Ты, вообще, соображаешь?! Какая, к дьяволу, столица?! Я через две недели уезжаю за границу работать... Надолго!

– Это ты ничего не соображаешь, – невозмутимо ответил Валентин Игоревич. – Я тебе предлагаю отхватить большие деньги. И речь идет о такой сумме, которую ты в своей Германии и за десять лет не зарабатываешь!

– Как-то все это... Несерьезно, что ли, – растерялся Манкевич.

– Более, чем серьезно, Артур! – веско сказал Валентин. – Бросай свои дела, и рысью ко мне!

Как и предсказывал Валентин Перов, через два дня он и Манкевич оказались в сидячем вагоне скоростного поезда, следующего в столицу. По дороге Валентин Игоревич пытался объяснить своему старому другу, не особо разбирающемуся в реалиях современного бизнеса, что именно он собирается предпринять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.